

Проводы «русской клюквы»

Общая газета, 2002 — 14 февр. — с. 10

Печальный юбилей Надежды Бабкиной в «России»

В блаженные семидесятые на советской эстраде расцветала русская песня: задушевная Людмила Зыкина, стрекотунья Ольга Воронец, лихая Александра Стрельченко прекрасно слушались и смотрелись на фоне многочисленных народных хоров во главе со старейшим и древнейшим им. Пятницкого. Девушки из ансамбля «Березка» лебедушками плыли прямо из Москвы на Запад, и обрамляли все это великолепии кокошинок, бус и расписных сарафанов гармонисты и балалаечники из народных оркестров им. Осипова, им. Андреева и многие прочие. Вся эта «русская клюква» была витриной советско-державного народного счастья, где «Оренбургский пуховый платок» неизменно предварял песни Туликова о Ленине.

Любовь народа к поющим и пляшущим красавицам в расписных платках была искренней и неподдельной; их песни напоминали о посиделках под гармошку, о девичьих хороводах и матушкиных пирогах. Так видело народную жизнь переселившиеся в города мешанство и мелкое купечество в конце позапрошлого века — оно полюбило и возло в ранг народной музыки городских окраин, музыку кадрили и плясовых, музыку слезливых романсов с цыганским надрывом и ямщицкой дорожной лирики. Путь на массовую сцену для «умирающих ямщиков» и «луговых утушек» был открыт, и в качестве русской попсы эта музыка благополучно пережила две революции, две войны, времена сталинские и времена брежневского застоя, когда лихая казачка Надежда Бабкина начала свое восхождение на советскую эстраду.

По молодости лет она увлеклась активно молившим в моду аутентичным фольклорным стилем, имевшим мало общего с музыкой приказчиков, дворников и белозвеек. Это были старинные крестьянские заговоры, колядки и припевки, песни свадебные, протяжные и календарные, пригодные для игрищ и забав у реки и в поле, но мало пригодные для роли «русской клюквы» — им не хватало примитивной предсказуемости, без которой не обходится никакой поп-жанр. Энергичная Бабкина вскоре оставила эти грехи молодости и создала ансамбль «Русская песня», который пошел по проторенной дорожке «русской клюквы», но только бойчее, резвее и веселее, чем коллеги, уставшие от «разлюли-малины».

Минуло четверть века, и на концерт Бабкиной пришли те, кого и следовало здесь ожидать: из эпохи талонов на водку, первомайских демонстраций и профсоюзных путевок эта публика перенеслась прямо в зал «Россия», построенный как бы специально для нее 30 лет назад. Эти тетушки и дяденьки как будто не заметили ни Горбачева, ни Ельцина, не поняли и не приняли ни ЗАО, ни ООО, а из эстрады больше всех по-прежнему предпочитают Пугачеву, Кобзону и Лешенко. Старорежимные пожилые дамы, возмущенные пенсионеры — участники митингов Зюганова и Ампилова, — выпавшие из обоймы бывшие бухгалтеры, мелкие клерки и ответственные работники явились на Бабкину в полном составе, заполнив до отказа свой любимый зал. Эта блеклая толпа изредка перемежалась музыкантами-народниками, которые интересуются Бабкиной в силу профессиональных обязанностей. Разодетых и благополуч-

ных было немного, и цена на билеты была тоже народная — 150 рублей соответственно (сравните с 1500 на Киркорова, Леонтьева и пр.).

Экскурсия в прекрасное прошлое состоялась по полной программе. На фоне восхода и заката в русском поле, на фоне бегущего по росе коня, на фоне буйного русского лета девки в расписных платках и ярких платьях, парни в расшитых рубахах и сапогах отплясывали давно знакомое и любимое. Э-эх-ма и ай-люли «Барыня», «Люблю пыганя Яна», «Шумел камыш» и «Конфетки-бараночки» улаждали слух ностальгирующей аудитории. Не был забыт и верноподданнический подтекст, когда сама Надежда Бабкина проговорила что-то о государственной политике в защиту народной музыки и, чтоб никто не сомневался, спела хором «Гимн СССР» в протяжно-заунывной народной редакции. Юбиляров приветствовали коллеги «Русской песни», цветущие певцы и танцоры со всех концов нашей великой Родины — из Краснодара, Владимира, Волгограда и прочая.

К концу второго часа выдавливания «русской клюквы» даже этот преданный зал несколько заскучал и погрузился. И немудрено: предназначенная для вставок в правительственные концерты и коротких набегов на дальнее зарубежье наша «клюква» обнажила свои слабости — бедность и однообразие плясовых мотивчиков, отдающих «осетриной второй свежести». Музыка русского застолья новым глянцем, увы, не покрывалась и новую упаковку не обрела: все те же переплывы и перепевы привлекли в зал скорее «от противного» — не тех, кто любит «Русскую песню», а тех, кто не выносит кривляющихся девушек и прыгающих

юношей с микрофоном. Этой усталой аудитории надолго не хватит, да и мало уже осталось консервативно-советской публики, с тоской вспоминающей Зыкину и ансамбль «Березка», — законопослушный слой советских обывателей стремительно редеет, превращаясь в мелких бизнесменов и скатившихся на дно маргиналов.

Правда, не угас еще главный бриллиант «Русской песни» — сама Надежда Бабкина, которая, по удачному выражению Дмитрия Бергмана, ежевечерне осуществляет энергетическую атаку на зал». Пусть для кого-то она вульгарна, пусть романсы в ее исполнении лишены нюансов и придыханий, пусть «Не брани меня, родная» она путает с «Бесами мучо», думая, что это хорошо. Но кто устоит против обаяния ядреной русской бабы, которую воспели еще в начале прошлого века Малявин и Кустодиев?

Огонь, вихрь, летящая комета: это она «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». На ней стоит и российская семья, и российское государство уже не первое столетие; поющий памятник российской женщине — Надежда Бабкина — неколебима, как «Медный всадник». Пока она есть — есть «Русская песня», а там, за поворотом...

То ли Запад пригреет, что сомнительно, потому что нашей «русской клюквой» там уже давно объелись, то ли новая идея осенит, и нерастраченный запас русской городской и крестьянской музыки обретет новую статью на нашей эстраде. Ежели ничего этого не произойдет, то не видать «Русской песне» следующего юбилея — как известно, в одну и ту же реку нельзя войти дважды, даже если это могучая река родного фольклора.

Дина КИРНАРСКАЯ